

О.Г. Носкова

ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ И НАУЧНОМ УПРАВЛЕНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье обсуждается начальный этап становления социальной психологии труда как области научных знаний и практики в России начала XX в. Источниками служили публикации и историко-психологические исследования в области НОТовского движения в России 1920–30-х гг., труды А.А. Богданова, М.М. Ковалевского, Л.Ф. Уорда, «Система социологии» П.А. Сорокина, «Социальная инженерия» Н.А. Витке. Трудности становления данного направления отечественной прикладной психологии связаны, по мнению автора статьи, с идеологическим противостоянием представителей либерально-буржуазной демократии и большевизма, а также трансформацией всех научных дисциплин на философско-методологической основе догматически понятого марксизма в годы нэпа и эпоху первых пятилеток.

Ключевые слова: социальная психология труда, социальная психология, социология, научная организация труда, научное управление, тектология, социальная инженерия.

Настоящее сообщение ставит целью рассмотреть вопрос о зарождении и становлении в России научно-психологических исследований групповых форм труда в производственных организациях, социально-психологических и социологических закономерностей совместной трудовой деятельности. Речь идет о социально-важных задачах, требовавших научной проработки в тематической области, которую А.Л. Журавлев предложил обозначить как «социальную психологию труда».

Существующие в настоящее время историко-психологические работы, на наш взгляд, недостаточ-

но полно освещают обозначенную выше тему, так как касаются истории отечественной социальной психологии в широком понимании (Андреева, 1980; 1997; Кольцова, 1997; Чикин, 1978; Шорохова, 1982; 2002). При этом прикладные социально-психологические исследования трудовых коллективов оказываются на периферии интересов исследователей, затрагиваются фрагментарно, например, преимущественно в связи с проблемами воздейственной психотехники (Носкова, 1997а). В центре внимания обычно выступает история зарубежных, а не отечественных исследований (Донцов, 1984), либо об-

суждаются иные исторические этапы развития интересующей нас области знания. Так, А.Л. Журавлев представляет в своей фундаментальной монографии, посвященной психологии совместной деятельности, историю этого вопроса с шестидесятых годов XX века (Журавлев, 2005, с. 15–36).

В.Г. Казаков отметил в свое время, что в советской психологии и философии второй половины 1930-х гг. доминировало отрицательное отношение к «социальной психологии» (Казаков, 1983; 1987). Подобное негативное отношение к зарубежной социальной психологии, ориентированной на изучение и оптимизацию отношений рабочих и работодателей при капитализме, сохранялось вплоть до конца 1950-х гг. (Гурьянов, Ошанин, Чебышева, 1957, с. 5). Это становится понятным, если учесть, что проблемы труда, управления трудом и производством были ареной революционных преобразований и по этой причине исследования в данной области оказались тесно связанными с дискуссиями, идеологическим противостоянием, которые существенно осложняли попытки достоверной историко-научной реконструкции зарождения и развития прикладной психологии в данной области.

В конце восьмидесятых и особенно после 1991 г. исследователи смогли познакомиться с ранее недоступными публикациями. Оказалось возможным, наконец, реконструировать во всей полноте и трагичности становление отечественного эконо-

мического и управленческого опыта, осмыслить работы в области философии, истории, права, социологии и психологии труда (Коргунюк, 1991; Корицкий, Нинциева, Шетов, 1999; Кавченко, 2001; Курек, 1998; 2004; Носкова, 1997а; 2006; 2008; Организационная..., 1999; Ханин, 1989; Хохлов, 1991 и др.). Все эти новые работы позволяют, на наш взгляд, более точно и полно, чем прежде, отобразить идеи социальной психологии труда, представленные в публикациях деятелей научной организации труда и управления, а также исследователей в области социологии и социальной психологии в 20-е годы XX века.

Принципы и практика научного управления (работы Ф.У. Тейлора, А. Файоля и др.) активно пропагандировались в России с момента их появления на Западе (Тэйлор, 1925; Файоль, 1920; 1923; Taylor, 1903; 1911; и др.). Среди последователей этого течения инженерной мысли в нашей стране были Л.А. Левенстерн, А.В. Панкин, Ю.О. Любович, Н.И. Савин и др. (Организационная..., 1999). В области железнодорожного дела, как наиболее развитой в то время отрасли, идеи научного управления не только описывались, но и внедрялись многими специалистами, среди них — Б.Д. Воскресенский, Д.Н. Хлебников, М.И. Васильев, А. Ломов (Г.И. Оппоков), И.Н. Бутаков и др. (Ильенко, 1965, с. 658). В начале 1920-х гг. в Советской России сложилось несколько ведущих направлений (школ) научного управления

(Корицкий, Ниндиева, Шетов, 1999). Теория и практика научного управления (или менеджмента), как нам представляется, выступала прежде (и остается в наше время) объемлющей системой, в которой вызревали задачи для прикладной психологии, изучающей труд, и востребовался ее продукт, рекомендации. Так было в начале XX в., это положение остается справедливым и сегодня. Лидеры ведущих школ научного управления в своих работах, так или иначе, затрагивали социально-психологические вопросы труда, среди них А.А. Богданов, А.К. Гастев и Н.А. Витке.

1. Идеи А.А. Богданова в области социологии, социальной психологии труда и научного управления

1а. Вклад А.А. Богданова в развитие системной методологии, теории научного управления трудом и производством

Александр Александрович Богданов (Малиновский) (1873–1928) — не только врач, естествоиспытатель, основатель первого в мире Института переливания крови, писатель-фантаст и революционер (член РСДРП(б) до 1910 г.), социолог, психолог, экономист, но и выдающийся отечественный мыслитель, один из авторитетнейших русских философов-позитивистов, пытавшийся научно развивать марксистское направление социологии, опираясь на исторический метод К. Маркса. Особое место в истории управленческой мысли Рос-

сии (как и в истории социологии, социальной психологии труда) занимает «Всеобщая организационная наука (тектология)» А.А. Богданова — один из первых в мировой практике аналогов системного подхода в методологии научного познания, в теории организаций (Богданов, 1989).

Тектология раскрывает общие механизмы возникновения, развития, функционирования и «умирания» объектов системной природы, взаимодействующих с меняющейся средой. Здесь описаны структурные и функциональные процессы, свойственные системным образованиям (в живых организмах, психике, на уровне индивидуального и общественного сознания, в социуме), приводящие к необратимости и уникальности такого рода объектов. Вместо статического рассмотрения объектов реальности как «вещей» в работе развивается принцип «подвижного равновесия», объясняющий свойства системных объектов, относительно сохранные в течение определенных периодов времени; описываются типы кризисов развития. Признается право наук использовать разный масштаб исследования явлений реальности, разные системы координат в связи с пониманием обслуживающей функции научного знания по отношению к многообразной и динамично меняющейся общественной практике. Тектология пронизана позитивистскими идеями построения картины мира и способа познания его реальностей. Создание

тектологии (первый том опубликован в 1913 г.) по времени более чем на двадцать лет опередило публикации Л. фон Берталанфи по теории систем. Тектология для ее автора должна была служить методологией научного познания применительно к задачам «живого опыта», а не для объяснения событий прошлого. По замыслу автора, тектология оказывалась метаметодологией, главная функция которой состояла в формировании у исследователей монистической картины мира, и в этом своем качестве тектология могла, с точки зрения Богданова, быть более полезной, нежели догматически используемые философские концепции (Богданов, 1911).

Тектология (да и вся система взглядов Богданова) находила сторонников в среде партийных и общественных деятелей, к ней сочувственно относились Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, А.М. Горький и деятели НОТовского движения (П.М. Есманский, О.А. Ерманский, А.К. Гастев, вероятно, и Н.А. Витке с его единомышленниками). На пленарном заседании I Всероссийской конференции по научной организации труда (НОТ) и производства (Москва, 1921 г.) было заслушано два доклада — В.М. Бехтерева (о рациональном использовании человеческой энергии в труде) и А.А. Богданова (о всеобщей организационной науке и ее применении в восстановлении хозяйственного потенциала страны). Правда, после ареста в 1923 г. имя

Богданова упоминали уже преимущественно в негативно-критическом ключе, говорили о «богдановщине» как проявлении механицизма в НОТовской работе. В течение последних пяти лет жизни Богданов существовал в обстановке постоянной травли, ему запретили преподавать в Московском университете, где он по рекомендации В.И. Ленина вел занятия по экономике. В 1927 г. в Коммунистической академии, в организации которой ученый принимал непосредственное участие, состоялся его доклад «О пределах научности рассуждений». Стенограмма обсуждения доклада свидетельствует о том, что выступление было организовано с целью дискредитации идей Богданова в глазах научной молодежи. Это было необходимо, видимо, в условиях расширенной кампании философских дискуссий, предназначенных для управления процессом перестройки всех наук в русле догматически преподносимой марксистско-ленинской философии.

В 1930-е годы работы Богданова были спрятаны в спецхраны. Его идеи начали возвращаться к читающей публике только в конце горбачевской перестройки, а целиком стали доступны после освобождения общественной жизни страны от идеологического влияния КПСС. В 1991 г. журнал «Вопросы философии» (Коргунюк, 1991) опубликовал комментарии в отношении дискуссии В.И. Ленина и А.А. Богданова, ответ А.А. Богданова в его статье

«Вера и наука» на книгу В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (Ленин, 1961). Имя Богданова и его творчество заняли достойное место в современной философии, социологии, экономике, теории организаций, педагогике. В Екатеринбурге организован Международный институт А.А. Богданова, его творчество было предметом обсуждения на Международной конференции по истории организационных учений в Великобритании в 1995 г. (материалы представлены в журнале «Вопросы философии», 1995, № 8). Идеи тектологии, или «всеобщей организационной науки» (Богданов, 1989), надеемся, не требуют здесь более подробного освещения. Они теперь доступны широкому читателю. Наследие Богданова было предметом коллективного анализа участников круглого стола, организованного в 1994 г. журналом «Вестник Российской Академии наук» (Красный..., 1994). В рамках настоящего сообщения невозможно обстоятельно изложить эволюцию его взглядов и их значение для становления прикладной психологии, изучающей труд и производственные организации. Эта попытка была отчасти предпринята нами ранее (Носкова, 1997б; 1998). В контексте обсуждаемой в данной статье темы мы не можем пройти мимо творчества этого ученого, минуя его работы в области социологии и социальной психологии. Почему? Потому что в них, на наш взгляд, на самом высоком уровне научного обобщения

обсуждаются важные вопросы *социальной психологии труда*.

16. *Возможные истоки социально-психологических идей А.А. Богданова*

Каковы могли быть истоки социально-психологических идей А.А. Богданова? Какие концепции могли повлиять на то, что он не удовлетворился работами К. Маркса, но нашел в них области, требовавшие научного исследования и дополнения?

Социология и социальная психология находились в России обсуждаемого периода в стадии начального становления (Ковалевский, 1910). Одним из ведущих центров отечественной социологической мысли можно считать Санкт-Петербург. Именно здесь, в Психоневрологическом институте, при поддержке В.М. Бехтерева, была организована первая в России кафедра социологии. Бехтеревым были приглашены прогрессивно ориентированные ученые М.М. Ковалевский и Е.В. де Роберти. Здесь начал учиться, а затем и преподавал П.А. Сорокин. Это были социологи-правоведы, с большим интересом относившиеся к тем зарубежным и отечественным разработкам в области социальной психологии и социологии, которые могли послужить опорой в построении новых законов, учитывающих человеческую психологию.

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), историк права и со-

циолог, академик Петербургской АН, основатель конституционно-монархической партии демократических реформ (1906 г.), был лично знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом, высоко оценившими его работы, посвященные истории общинного землевладения. В книге М.М. Ковалевского «Социология» (1910), систематически излагающей направления мировой социологии того времени, специальная глава посвящена работам американского ученого Лестера Франка Уорда (Ward L.F., 1841–1913), признанного основателя психологического направления в социологии (Андреева, 1980), первого президента Американского социологического общества.

Работы Л.Ф. Уорда были опубликованы на русском языке в 90-е гг. XIX в. (Уорд, 1891; 1897; 1901). В них, в частности, в книге «Психические факторы цивилизации» (1897) и последующих работах, автор развивает идеи о том, что человеческая история, вопреки законам естественного отбора Ч. Дарвина (то есть, вопреки биологическим детерминантам), подчиняется законам *искусственного отбора*. С точки зрения Уорда, люди преодолевали социально-значимые проблемы существования с помощью разума, с помощью психических способностей к творческой деятельности. Результатом творчества людей были революционные технические изобретения. Осознанное, целенаправленное творчество доступно, согласно идеям ученого, только людям.

Он писал: «Среда изменяет животное, тогда как человек изменяет среду. Эта трансформация среды и есть творчество (achievement); животному оно неизвестно, оно только приспособляется к среде, а не изменяет ее» (Ковалевский, 1910, с. 273).

Уорд подчеркивал роль активности человека, организационного начала в человеческой цивилизации, писал о том, что и в области управления обществом, коллективной деятельностью людей также необходимы изобретения. Общество будущего, по его мнению, в управлении социальной жизнью и коллективной деятельностью будет опираться на законы этой стороны реальности, которые должны установить социология и социальная психология. Эти дисциплины должны поставить перед собой задачу стать прикладными отраслями научного знания. Используя выявленные законы человеческой психики, а также социально-психологические закономерности общественной жизни людей, правительство сможет осознанно разрабатывать такие нормы и правила, которые будут регулировать поведение людей, не опираясь на страх наказания за их невыполнение. Напротив, правила и нормы будут учитывать реальные потребности людей и так организовывать их жизнь и труд, чтобы люди не насильствовали свою природу, но, реализуя свои потребности, одновременно создавали бы полезные для общества продукты. Организационное начало, организационный

принцип в жизни общества оказался одним из центральных компонентов учения Л.Ф. Уорда.

Л.Ф. Уорд не обсуждал вопрос о том, что было в самом начале человеческой истории при выделении человека разумного из животного мира — способы организации деятельности людей или их психические функции (мыслительные), обладавшие специфическими человеческими качествами по сравнению с высшими животными. Мы полагаем, что этот вопрос задал себе двадцатипятилетний юноша Александр Богданов, только что получивший диплом врача-психиатра и оказавшийся вовлеченным в работу в качестве пропагандиста марксизма, марксистской политэкономии и социологии. В свое время исключенный из Московского университета с 3 курса естественного факультета за участие в студенческих волнениях, Богданов находился под надзором полиции и был сослан в Тулу, где жили его родители. Здесь он вел занятия с рабочими Тульского оружейного завода, и его взгляды под влиянием В.А. Базарова и И.И. Скворцова-Степанова трансформировались от народничества к марксизму. Позиция преподавателя, который должен был за короткое время содействовать формированию марксистского мировоззрения рабочих, делает понятным интерес Богданова к социологии и общественной психологии. Кроме того, психология, как отмечает В.С. Клебанер, была одной из университетских специаль-

ностей А. Богданова, интерес к этой области знания он пронес через всю жизнь (Клебанер, 2003).

Богданов не ссылается прямо на работы Уорда, но его первая книга «Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. Жизнь. Психика. Общество» (1899) — это попытка представить эти качественно разные явления действительности в их единстве и взаимопереходах, опираясь на принцип монизма в познании и исторический метод, разработанный применительно к анализу социальных явлений К. Марксом.

А.А. Богданов в этой работе вслед за Марксом выделяет: а) *область техники* (собственно трудовую деятельность общества как коллективного субъекта при взаимодействии с природой), б) *социально-производственные отношения*, в которые вступают люди в ходе коллективного труда, и в) *идеологические формы* (явления культуры, общественного сознания, формирующиеся как закономерное следствие социально-производственных отношений и технической стороны труда). Последнее имеет отношение к тому, что К. Маркс называл *надстройкой*, зависящей от бытия, производительных сил общества. Уже в этой ранней публикации Богданов указывал на расплывчатость понятия «производительные силы», отмечал, что «бытие», область техники, не сводится только к совокупности вещественных технических средств труда. С точки зрения Богданова,

«производительные силы общества» в их историческом развитии подчиняются «закону причинности», согласно которому новые технические изобретения воспринимаются и приживаются в обществе в связи с его экономической, организационной и идеологической подготовленностью (Богданов, 1899, с. 179).

В дальнейших работах Богданов, дополняя идеи К. Маркса, подчеркивал, что «материальное бытие», применительно к историческому развитию человеческого общества, объединяет преобладающие формы коллективной трудовой деятельности людей (не исчерпывающиеся вещественными составляющими техники, но включающие технологические знания по ее применению), организационные приспособления и орудия (к которым он относил также совокупность символов, речь, язык), социально-производственные отношения и картину мира, мировоззрение людей. Картина мира помогала людям устанавливать связи между существенными явлениями действительности и осознавать свое место в них (Богданов, 1903; 1904; 1999; и др.). «Картина мира» формируется, по Богданову, как следствие стремления людей к единству понимания действительности вследствие монистического принципа.

В первой философской работе Богданов пытался распространить на человека и общество законы естествознания: «закон причинности», «закон инерции», «закон определен-

ного действия», «закон энергии», последний служил выражением постоянной связи познаваемых явлений и в этом смысле оказывался в роли основного закона (Богданов, 1899, с. 250). В дальнейшем «закон энергии» (или принцип энергетизма), как ведущий, был Богдановым преодолен, и центральное место в его творчестве занял организационный принцип, положенный в основу тектологии. Как нам представляется, Богданов в первой своей философской работе пытался обосновать мысль о том, что идеи Л.Ф. Уорда о ведущей роли человеческого творчества в истории цивилизации справедливы, но должны быть дополнены. Важно увязать творческие процессы отдельных людей и общества (как коллективного субъекта) с особенностями их трудовой жизни, технической и организационной вооруженностью людей каждого исторического этапа. Дело не только в «психических факторах» цивилизации, а в понимании генеза психики людей и ведущих детерминант ее исторического развития. Творческая деятельность человека, высшие формы познания мира, по Богданову, не должны рассматриваться как следствия индетерминированных факторов, таких, как свободная воля отдельных одаренных людей, как продукт их индивидуального мышления. Он вводит эти (выделенные Уордом) важные реальности в систему миропонимания, в которой они поддаются объяснению с помощью

исторического метода; таким образом А.А. Богданов творчески развивает лишь намеченные в работах К. Маркса и Ф. Энгельса стороны их теории общественнознания.

1в. *Трудовая типология культуры А.А. Богданова и ее значение для социальной психологии труда*

В контексте темы настоящего сообщения хотелось бы далее, хотя бы кратко, обозначить основные положения богдановской концепции *трудовой типологии культуры* как учения, которое выросло на базе позитивистского отношения к марксистской социологии и является, на наш взгляд, существенной составляющей теории социальной психологии труда, не потерявшей своего значения и в наше время. Идеи трудовой типологии культуры постепенно сложились в публикациях А.А. Богданова, входящих в цикл «Из психологии общества» (Богданов, 1904). «Человек есть результат всех внешних влияний, которые на него действуют, и в то же время человек есть сумма его деятельности. Эта формула не заключает противоречий. В своей деятельности человек приспособляется к внешним влияниям. Наибольшая приспособленность ко всем возможным влияниям есть свобода, наименьшая — рабство», — так заканчивает Богданов последний раздел своей первой философской работы, посвященный историческому пониманию общественного развития (Богданов, 1899, с. 204).

В книге «Познание с исторической точки зрения» (1901) Богданов рассматривает, пользуясь историческим методом, формы познания людей (в частности, типичные для каждой исторической эпохи особенности человеческого мышления) как идеологические элементы общественной жизни, соответствующие уровню развития техники (Богданов, 1904, с. 224). При этом техника понимается как трудовая коллективная деятельность, в которой применяются специальные орудия, но в центре внимания Богданова оказываются производственные отношения людей, специфичные с точки зрения «форм сотрудничества». Он выделяет «однородные» и «неоднородные» (или разнородные) формы сотрудничества. Формы сотрудничества полагаются социальным выражением технической стороны труда. Формы идеологические (и особенности мышления людей) понимаются как следствие их «непрямого приспособления» к технической и социальной сторонам трудовой жизни (там же, с. 226). Развитие форм познания людей оказывается зависимым от изменений их внешней деятельности (там же, с. 228). Далее Богданов предполагает, что познание должно приспособляться и к технической, и к социальной стороне трудовой деятельности (там же, с. 229), и именно результаты этого приспособления образуют типичные формы мышления, адекватные типичным формам сотрудничества.

Двигаясь в этой логике, А.А. Богданов выделяет в истории цивилизации 4 типа форм сотрудничества в производственной деятельности: а) «первичное однородное, неорганизованное»; б) «разнородное, организованное, или авторитарное»; в) «разнородное, неорганизованное, или анархическое»; д) «синтетическое сотрудничество» (там же, с. 236–244). Богданов указывает, что эти формы сотрудничества — абстракции, которые в реальности существуют, но так, что преобладает какая либо одна из них. Далее Богданов выделяет типы труда в соответствии с целями созидательной деятельности: а) «консервативный тип труда»; б) «изменяющий тип труда»; в) смешанные формы с преобладанием первого или второго типа и свойственные им типы мышления субъектов труда (привычного, статичного или пластичного, вариативного, гибко изменяющегося).

«Консервативные формы труда направлены на сохранение, поддержание, воспроизведение того, что существовало раньше. ...Сознание работника, — пишет Богданов, — во время трудового процесса постоянно фиксировано на том привычном, неизменяющемся, которое является целью» (там же, с. 246). Для него типичны «привычные реакции», «воспроизводя прошлое вне себя, он воспроизводит его и в своей психике», — отмечает Богданов (там же, с. 247).

При «изменяющем типе труда», по мысли А.А. Богданова, во-первых,

в центре сознания работников оказывается «пластичное представление» (образ результата), которое изменяется во время труда, становясь яснее и определеннее по мере достижения трудовой цели; во-вторых, сам трудовой процесс слагается в основном из пластичных действий; в-третьих, в результате труда получают новые, еще не пережитые ранее условия, психика работника настраивается на дальнейшие, все более новые, пластичные реакции; «вся психическая деятельность все в большей и большей мере складывается по пластичному типу. Изменяя свою среду, человек создает себе изменчивую психику» (там же, с. 247).

Богданов делает и следующий шаг — дает характеристику типов познания (мышления) как идеологической формы. Он приходит к выводу, что представителям консервативных типов труда свойственно «статическое мышление», для которого характерно выделение вещей, предметов мира в их качественной определенности и устойчивости. В мировосприятии людей, обладающих таким мышлением, преобладают неизменные, абсолютные сущности, истины, мышление характеризуется признаками авторитарности, догматичности, религиозности (Богданов, 1904; 1911; и др.). Для представителей «изменяющего типа труда» характерно пластичное строение психики, «наиболее тонкое различие условий», вариативные и избыточные реакции, изменяющееся, гибкое и

связное мышление, которое Богданов называет «*историческим типом мышления*» (Богданов, 1904, с. 250). Статический и исторический типы мышления могут оказываться в разных сочетаниях у их носителей в зависимости от преобладающих форм сотрудничества. Завершая статью «Авторитарное мышление» (1903), Богданов призывает читателей учиться распознавать «старую жизнь», которая может облекаться в «*лоскуты новых костюмов*». Внешние формы авторитарного мышления людей закономерно сопряжены с их общими мировоззренческими установками. Поэтому, — говорит он, — «...там, где мы встречаемся с людьми, которые говорят нам, что нельзя жить без идолов и фетишей, без абсолютного и непознаваемого, надо твердо помнить, что это те люди, которые стремятся быть рабами, или иметь рабов» (Богданов, 1903, с. 183).

Как нам представляется, для современной социальной психологии труда (а также формирующих ее дисциплин — психологии труда и социальной психологии) важны выводы, которые мы можем сделать из богдановской концепции трудовой типологии культуры:

1. В той степени, в какой воспроизводятся социально-трудовые условия, роли и содержание труда людей в организации (типичные для форм сотрудничества патриархально-родового строя, рыночной анархии товарного капитализма или развитых форм индустриального обще-

ства, требующих совместного администрирования), могут порождаться, закрепляться и проявляться соответствующие формы познания, мировоззрения как преобладающие тенденции представителей этих социальных групп.

2. Можно предположить, что знание закономерных связей форм сотрудничества, типов содержания, средств и условий труда с типами психических процессов, складывающихся у людей в таких производственных организациях, применимо не только для понимания исторического прошлого, но и для прогнозирования характерных особенностей организационного поведения людей в будущем. Эти закономерности могут быть использованы в целях сознательного управления социальными изменениями, их следует учитывать в процессе организационного проектирования или реинжиниринга как в масштабах отдельных предприятий, фирм, так и применительно к управлению общественной жизнью регионов.

Далее, на наш взгляд, полезно кратко представить положения социальной психологии труда, представленные в творчестве П.А. Сорокина.

2. «Система социологии» П.А. Сорокина и социальная психология труда

Питирим Александрович Сорокин (1889-1968), юрист и социолог, организатор кафедры и факультета социологии в Петроградском уни-

верситете, был выслан за пределы Советской России в 1922 г. как один из лидеров партии правых эсеров, ближайший помощник А.Ф. Керенского, участник контрреволюционного движения на Севере. Сегодня его имя и творческое наследие реабилитированы, Общество социологов России учредило медаль в его память, основные труды переизданы на русском языке. Он признан одним из основателей Американской социологии, высоко оценены его публикации и научно-организаторская деятельность в качестве декана факультета социологии Гарвардского университета (США). Как нам представляется, творческое наследие Сорокина заслуживает специального историко-психологического анализа, так как в его социологической концепции интегрированы идеи позитивистской философии, объективной психологии В.М. Бехтерева (Бехтерев, 1991), достижения мировой и отечественной социально-психологической мысли.

В настоящем сообщении ограничимся краткой характеристикой вопросов социальной психологии труда в его магистерской диссертации «Система социологии», защищенной в Петроградском университете в 1920 г. Эта работа имела широкий резонанс у современников и послужила собственно основой для приглашения ее автора в Гарвардский университет. Сорокин отмечал в своей автобиографической повести (Сорокин, 1992), что главные положения этой работы сохраняли свою

актуальность в течение всей его жизни и, таким образом, использовались в подготовке многих выдающихся американских ученых в области социологии и социальной психологии. В «Системе социологии» обсуждаются вопросы предмета социологии и ее места среди родственных наук, включая индивидуальную и коллективную психологию, содержание теоретической и практической социологии, ее методы. Книга задумывалась автором как первая из серии публикаций. Этот том охватывает «социальную аналитику» — учение об элементах и простейших формах социального взаимодействия и об образовании сложных социальных форм, крупных сообществ. В последующем автор реализовал свой юношеский проект и написал книги о социальной динамике, а также об эволюции цивилизации, как и многие другие работы. Однако для социальной психологии труда представляют особенный интерес именно базовые понятия «социальной аналитики»: «коллективное единство», объединяющее двух людей и более; «взаимодействие», как простейшее социальное явление; «акты», или действия, как элементы взаимодействия; «проводники» (посредники) взаимодействия, их виды и роль; типы переживаний участников взаимодействия; «классификация форм взаимодействия»; условия возникновения и прекращения взаимодействия; условия сохранения и распада, «разрушения коллективных единств» и др. (Сорокин, 2008).

Как нам представляется, П.А. Сорокин мог использовать идеи тектологии А.А. Богданова (1913), но наполнил «скелет» ее понятийного аппарата конкретным содержанием применительно к изучению явлений социального взаимодействия. П.А. Сорокин лишь один раз упоминает имя А.А. Богданова, относя его работы к группе «производственных теорий общественных классов», вместе с К. Марксом, Ф. Энгельсом, Гентом и С.И. Солнцевым (Сорокин, 2008, с. 649). Однако Сорокин неоднократно подчеркивает в книге свое несогласие с авторами, проповедующими монистические принципы в мировоззрении, в методологии научного познания, и, в частности, в познании общественных явлений. Ведущим представителем материалистического монизма, точнее «эмпириомонизма», в России среди современников Сорокина был именно А.А. Богданов. На отношение к текстам А.А. Богданова со стороны П.А. Сорокина могли, как нам представляется, повлиять различия их политических взглядов, тот факт, что Богданов в течение ряда лет (до 1910 г.) входил в круг лидеров РСДРП(б), и, когда эта партия пришла к власти, Сорокин стал свидетелем страшных последствий большевистского террора, голода в Поволжье, расстрелов заложников и пр. Принципу монизма в изучении социальных явлений Сорокин противопоставил принцип плюралистического реализма. Он пытался обосновать мысль о том, что социальные и

социально-психологические явления подвластны действию многих факторов, и поэтому попытки увидеть в социальной жизни преимущественно действие какого-либо одного из них (материального бытия, коллективной трудовой жизни и пр.), с его точки зрения, ошибочны, ибо однобоки.

Для социальной психологии профессий (если иметь в виду психологическое изучение специфических особенностей профессиональных групп и их представителей), а также для общей психологической теории деятельности (выступающей в качестве теоретико-методологической основы современной психологии) особый интерес представляет та часть второй главы второго тома «Системы социологии», которая посвящена характеристике профессиональных групп. Здесь утверждается закономерное влияние актов (действий) человека на весь его духовный уклад, психику и поведение (Сорокин, 2008, с. 500). Речь идет «о громадном влиянии профессиональной деятельности на все поведение и уклад человека, которое осуществляется независимо от воли и желаний профессионала» (там же). Из этого положения Сорокин делает вывод о том, что «...индивидуы, имеющие сходные профессии, при всех своих различиях будут иметь ряд общих интересов и сходств, вызываемых сходством профессии. И наоборот, сходные во многих отношениях индивидуы неизбежно будут расходиться во многом, если их профессии различны» (там же).

И далее он пишет: «Какова профессия человека, такова его психология и идеология» (там же). Сорокин подчеркивал, что «эта деформирующая роль профессиональной деятельности исследована и единогласно констатирована множеством самых разнородных исследователей. Маркс и школа марксистов с полным основанием указывают на профессиональное “бытие, определяющее собой сознание”, идеологию человека» (там же). Он приводит многочисленные примеры работ зарубежных исследователей на эту тему (работы школы Ле Пле, в частности Демолена; труды таких авторов, как Веблен, Лангерок, Шмоллер, Бауэр, Пуже и др.). Но, поддерживая и высоко оценивая эти исследования, П.А. Сорокин критикует социологов синдикалистского направления за абсолютизацию деления общества преимущественно по профессиональному критерию. Сорокин показывал, что не менее важно учитывать принадлежность людей к другим группировкам и обществам (классовым, имущественным, властным и пр.). Сорокин рассматривал социальные явления начиная с элементарных дуальных обществ и систематически стремился учитывать психологию участников социальных взаимодействий, достижения социальных психологов. Его «Система социологии» интересовала не только современников 1920-х гг. в России, ссылки на эту работу можно встретить и позже, например в книге А.С. Залужного, посвященной изуче-

нию детского коллектива (1931). «Система социологии» также представляла интерес для деятелей в области научного управления, представителей «социальной инженерии».

3. «Социальная инженерия» по А.К. Гастеву и Н.А. Витке

Термин «социальная инженерия» использовался А.К. Гастевым и Н.А. Витке, деятелями отечественного НОТовского движения, но трактовался ими по-разному.

Организатор и директор Центрального института труда (ЦИТ) Алексей Капитонович Гастев (1882-1938) был автором многих работ в области научной организации труда, пропагандировал тейлоризм. В его понимании концепция «социальной инженерии» предполагала технологию подготовки рабочих различных профилей. Квалифицированный работник был необходимым звеном индустрии, а в начале 1920-х гг. страна испытывала острую нехватку подготовленных кадров, хотя до 1930 г. существовала и безработица. Ценные стороны гастевской концепции состоят в том, что работающие люди оказались объектом специального исследования, формирования, обучения, развития, объектом организационного проектирования. Недостатки концепции заключались в том, что труженики оказывались пассивными продуктами инженерно-педагогических воздействий (Гастев, 1973). Правда, работники ЦИТа занимались не только

производственным обучением, но также осуществляли анализ и рационализацию трудовых постов по всей производственной цепочке предприятия, а также совершенствовали способы управления предприятием в целом, руководствуясь, прежде всего, идеями Ф.У. Тейлора (Тэйлор, 1925; Taylor, 1903; 1911). В контексте нашего анализа заметим, что персонал предприятия оказывался объектом изучения, формирования и оптимизации (с точки зрения подготовленности, инструктажа), но технологии обучения были индивидуальны и социально-психологические феномены, по сути, Гастевым и его школой не рассматривались.

Другое понимание «социальной инженерии» было у Николая Андреевича Витке. Даты его жизни и судьба его остаются до сих пор неизвестными. В начале 1920-х гг. Н.А. Витке работал в Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции (НК РКИ СССР), руководил отделом нормализации. Задачи отдела состояли в том, чтобы разрабатывать проекты деятельности государственных учреждений, а также проекты управления государственными предприятиями. Нормализация обозначала процесс организационного проектирования и рационализации деятельности служащих. В кратком виде позиция Витке была представлена в тезисах доклада на I Московской конференции по научной организации техники управления в сентябре 1922 г. (Витке, 1924, с. 215–217). Глав-

ный труд Н.А. Витке — книга «Организация управления и индустриальное развитие. Очерки по социологии научной организации труда и управления» (1924).

Н.А. Витке предлагал разделять в рамках НОТовского движения: а) теорию и практику рационализации труда отдельных работников-исполнителей, занятых непосредственно в производственном процессе (эту область предлагалось закрепить за термином НОТ — «*научная организация труда*»), и б) изучение и оптимизацию деятельности руководителей производственных коллективов (обозначаемое как «*научная организация управления*»). Близкие идеи о различии содержания труда техника и администратора высказывались в работах дореволюционного инженера Д.И. Журавского (Журавский, 1874).

Управление другими людьми (а не вещами и процессами производства вещей) предполагает, с точки зрения Витке, понимание руководителем их возможностей, душевного состояния, настроения и пр. Поэтому в основу научной организации управления должна быть положена наука о человеческих сообществах, об их совместной деятельности и психологических тонкостях их взаимоотношений. В качестве такой науки должна была выступить не индивидуальная психология, физиология, биомеханика и пр., но социальная психология и социология. Особой разницы между этими дисциплинами Н.А. Витке не

отмечал, да ее, пожалуй, и не было в те годы. Точнее говоря, многие отечественные и зарубежные авторы указывали на тесную связь этих областей знания.

«Социальная инженерия», в понимании Витке, оказывалась областью инженерного дела, направленного на создание оптимально и устойчиво работающих трудовых коллективов. Он писал: «Современный организатор и администратор, прежде всего, не техник (технолог), но социальный строитель, объединитель и направитель людских волей в трудовое единство. В первую очередь, он имеет дело с людским материалом и лишь на заднем плане выступают технические моменты» (Витке, 1924, с. 178). Проанализировав работы зарубежных специалистов в области научного управления (Файоль, 1920; 1923 и др.), Витке делает вывод, что с развитием крупных предприятий коренным образом меняются способы управления персоналом. На небольших предприятиях управляющий объединял в едином лице много административных функций вместе с функциями инженера-технолога. На крупных предприятиях принцип универсализма в управлении отбрасывается, разделяются функции планово-производственного и технологического управления, выделяется особая «административная функция». Ее содержание понимается как «своеобразный вид общественной работы по целесообразному объединению и направлению социально-трудовой

коллективности» (Витке, 1924, с. 74–75). Для эффективного администратора важно иметь, с точки зрения Витке, способности к «вожачеству» (лидерские качества. — О.Н.), умение успешно обращаться с людьми, «умение сплотить людскую оперативную коллективность, поднять ее внутренний интерес к работе, уяснить смысл и значение последней, добиться сознательного согласования действий множества людей, пробудить коллективную трудовую энергию...» (там же, с. 78). Трудовой коллектив действует, по его мнению, на основе социально-психологических законов; «установив эти законы и овладев ими, можно конструировать этот коллектив так, чтобы он действовал с максимальной целесообразностью, как подлинный социальный аппарат» (там же, с. 178). Хорошим оказывался тот руководитель, который так организовывал работу подчиненных ему людей, что и в его отсутствие коллектив трудился как хорошо смазанные и отлаженные часы. Это было возможным при правильном распределении производственных задач между работниками, их необходимой подготовке, воспитании.

Н.А. Витке приходит к выводу о том, что развитие крупной индустрии ведет за собой «организационную революцию», которая не ограничивается реализацией тейлоровских идей учетно-планового начала, но «...идет дальше, овладевает людскими взаимоотношениями в процессе производства, пере-

страивает индивидуалистически-авторитарную систему управления на принципиально от нее отличную систему коллективно-трудового сотрудничества», регулируемую не на основах «надзора за персоналом», но путем планового воздействия на вещно-производственные отношения, «объективный производственный организм предприятия». Он подчеркивает далее роль «...одновременной специальной и плановой работы над культивированием "духа улья", активной заинтересованности каждой рабочей группы и всего рабочего коллектива в успешном выполнении своего задания» (выделено Витке. — О.Н.) (там же, с. 66). Витке выступал против фетишизации функционального подхода в управлении, настаивал на понимании единства управления организацией. Он пропагандировал демократический стиль деятельности руководителя, который оказался несовместим с военно-бюрократическим стилем управления, утверждавшимся в рамках отдельных предприятий и в государственных учреждениях, начиная с эпохи первых пятилеток. К школе Н.А. Витке относят С.Д. Стрельбицкого, Я.С. Улицкого, Р.С. Майзельса, Л.А. Бызова и др.

Историки социологии оценивают концепцию Н.А. Витке как российский аналог американской школы «Человеческих отношений» (Корицкий, Нинциева, Шетов, 1999; Щербина, 2000). С нашей точки зрения, дело не просто в исследовании межлюд-

ских производственных отношений, но в построении программы научно-практической дисциплины, которая с самого начала была ориентирована на научное обеспечение практики организационного проектирования работы отдельных людей, коллективов и управления предприятия в целом. Витке опирался при этом на опыт «Школы экспериментальной администрации» А. Файоля, развернувшей свою деятельность в послевоенном Париже. Причем дело не ограничивалось проектами, но Витке и его сотрудниками были получены успешные образцы рационализации административного дела.

Предлагаемая Н.А. Витке «социальная инженерия» должна была стать научно-практической дисциплиной, а не чистой наукой. Она должна была накапливать, систематизировать и анализировать «живой опыт» (выделено автором. — О.Н.) администрирования, исследовать его и документировать, использовать «метод опытной индукции» (Витке, 1924, с. 197). В книге приводятся варианты методических приемов, с помощью которых проводилось обследование существующих организационных технологий (метод хронометрирования выработки и брака по часам рабочего дня, составление нормализационных карт, контрольных листов заказа, схем движения заказа в производственной организации, схем обработочного потока сведений в учреждении, графических планов работы). Отдел

нормализации НК РКИ, которым руководил Витке, должен был выработать рекомендации по рационализации административной деятельности «на основе *практического эксперимента*» (выделено автором. — О.Н.) (там же, с. 216). Социальная инженерия в России, по замыслу Витке, должна была стать прикладной дисциплиной, основанной на социологии и социальной психологии; здесь Витке ссылался на «Систему социологии» П.А. Сорокина. Но, в отличие от академического изложения социологии Сорокиным, социальная инженерия должна быть, с точки зрения Витке, «...втянутой в самую гущу практических вопросов администратора, ...конструировать учреждение... и воспитать самого администратора в духе подлинного сотрудничества с его социальным аппаратом» (там же, с. 175). Прикладная социология (и социальная психология) в форме социальной инженерии противопоставлялась Н.А. Витке такой социологии (и тесно связанной с ней общественной психологии), представители которой ограничивались «общими рассуждениями о праве, этике, об эволюции семейных форм и теории прогресса» (там же). На наш взгляд, здесь Витке подразумевает работы социологов-правоведов либерально-демократической ориентации: М.М. Ковалевского, Е.В. де Роберти, П.А. Сорокина и др.

Вполне вероятно, что Н.А. Витке в своих разработках использовал не

только идеи социологии и социальной психологии, но также положения тектологии А.А. Богданова. Прямых ссылок на работы А.А. Богданова в книге Н.А. Витке нет, да и не могло быть после ареста А.А. Богданова в 1923 г. и обострения идеологических дискуссий, в которых тот обвинялся в ревизии марксизма, субъективном идеализме, механицизме и пр. О симпатии Витке к творчеству А.А. Богданова свидетельствуют используемые им термины, характерные для богдановских текстов. Так, были использованы положения «всеобщей организационной науки (тектологии)», идеи системного подхода, представления об управлении организацией как социальной системой, обладающей «автоматической саморегуляцией» (Витке, 1924, с. 181). Витке применяет тектологические представления о механизмах возникновения и функционирования объектов, имеющих системную природу (и о роли контроля в жизни таких объектов), обсуждает центростремительные и центробежные силы, воздействующие на целостность системного объекта, значение границ организации и ее составляющих, понятие кризисов организационного развития, использует тектологический «закон слабых звеньев цепи» (там же, с. 33–36). Н.А. Витке опирался, судя по всему, и на идеи богдановской «Философии живого опыта», теории трудовой типологии культуры, представленные в разных публикациях, где Богданов применял «исторический метод» в

познании «психологии общества» (см. выше). Нашли применение положения Богданова об истоках авторитарного мышления и его связи с формами организации труда. В работах Н.А. Витке представлены богдановские идеи о тенденциях развития форм труда, о ведущей роли принципа коллективизма (характерного для индустриальной эпохи) по сравнению с принципом индивидуализма (свойственного эпохе анархических хозяйственных отношений).

Дополнительным свидетельством пробогдановской позиции Н.А. Витке может также служить полемика, которая развернулась к 1924 г. между последним и Е.Ф. Розмирович, директором Государственного Института Техники Управления при НК РКИ СССР. В докладе Е.Ф. Розмирович на I Международном съезде по НОТ в Праге в 1924 г. отрицалась роль тектологии как особой универсальной науки, важной для организации любого труда, предлагалось понимать НОТ лишь как конкретную технику рационализации труда, его средств и условий. Розмирович критиковала работы Н.А. Витке за пропаганду психологических методов воздействия на трудовые коллективы, за его обращение к научной психологии. Для нее подобный подход был проявлением идеализма. Вероятно, она следовала догматически понятому тезису К. Маркса о ведущей роли материально-технической стороны производственной жизни, составляющей «базис» и определяющей все

формы идеологической «надстройки» в общественных явлениях. Е.Ф. Розмирович отмечала, что Витке «рвет... принципиально с марксизмом и претендует на построение особой прикладной науки, опираясь на один голый психологизм и психологический эксперимент, чем возвращает нас в болото старой идеалистической болтовни... Такой психологической науки о методах управления людьми... марксизм не знает и не только не знает, но самую проблему ее считает ненужной и вредной утопией... реакционным вздором, с которым ведет, и будет вести самую решительную борьбу» (цит. по: Корицкий, Нинциева, Шетов, 1999, с. 171).

Но творчество Н.А. Витке оказалось изъятым из отечественной научной жизни и практики не только из-за его симпатий к «тектологии» ревизиониста и позитивиста А.А. Богданова, а также к социологии и социальной психологии, которые разрабатывал высланный из страны П.А. Сорокин. Кроме них Н.А. Витке цитировал в своей книге работы Л.Д. Троцкого (в частности, приводил его высказывания о роли морального духа, психологических моментов в армии, о важности изучения и налаживания трудового быта). Судьба Н.А. Витке неизвестна; он мог быть репрессирован в середине 1930-х гг. под флагом борьбы с «неразоружившимися троцкистами», как и многие другие деятели НОТ (И.М. Бурдянский, А.К. Гастев, И.Н. Шпильрейн и др.).

* * *

Завершая наш анализ, можно утверждать, что в России рассматриваемого периода были ученые и практики, предложившие оригинальные идеи, которые могли бы послужить основой для успешного становления отечественной социальной психологии труда и родственных дисциплин, идеи вполне соответствующие уровню мировой научной мысли в области научного менеджмента и психологии.

Однако основы данного направления оказались связаны с именами ученых, признанных «врагами народа», с представителями враждебных политических партий или исследователями, разделявшими идеологически неприемлемые мировоззренческие ориентации. Данная область знаний затрагивала проблемы, лежащие на острие идеологического противостояния СССР и стран капитализма. Не удивительно, что «социальная психология», ориентированная на исследование коллективного труда, трудящихся и администраторов, оказалась в числе первых направлений науки, «репрессированных» в нашей стране уже в начале 20-х годов XX века. Ее научная реабилитация необходима для нормального развития теории и практики прикладной психологии данного направления, для восстановления преемственности научных идей.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. С. 28–53.

Андреева Г.М. К истории становления социальной психологии в России. 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psy.msu.ru/science/public/andreeva/hystory.html>.

Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991 (1-е изд. 1907–1912).

Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. Жизнь. Психика. Общество. СПб., 1899.

Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения [1901]. М., Воронеж, 1999. С. 39–259.

Богданов А.А. Авторитарное мышление // Образование. 1903. Вып. IV–VI.

Богданов А.А. Из психологии общества (статьи 1901–1904 гг.). СПб., 1904.

Богданов А.А. Философия живого опыта. Популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. СПб., 1911 (последующие издания: Пг., 1913, 1918, 1923).

Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (тектология). М., 1989 (1-е изд. 1913).

Витке Н.А. Организация управления и индустриальное развитие. Очерки по социологии научной организации труда и управления. М., 1924 (2-е изд. 1925).

Гастев А.К. Трудовые установки. М., 1973 (1-е изд. 1924).

Гурьянов Е.В., Ошанин Д.А., Чебышева В.В. Современное состояние и задачи психологии труда // Вопросы психологии. 1957. № 3. С. 3–11.

Донцов А.И. Психология коллектива (методологические проблемы исследования). М., 1984.

Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М., 2005.

Журавский Д.И. Техника и администрация // Записки Императорского Русского Технического Общества. 1874. № 3. С. 161–166.

Залужный А.С. Детский коллектив и методы его изучения. М.; Л., 1931.

Ильенко Н.С. Примечания // Научная организация труда двадцатых годов. Сборник документов и материалов. Казань, 1965. С. 657–731.

Казаков В.Г. Разработка конкретных проблем в отечественной психологии труда на первых этапах ее развития // Психологический журнал. 1983. № 3. С. 87–98.

Казаков В.Г. Развитие проблемы психологии бригад в отечественной науке // Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / отв. ред. Е.В. Шорохова, А.Л. Журавлев. М., 1987. С. 22–38.

Клебанер В.С. Александр Богданов и его наследие // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 105–110.

Ковалевский М.М. Социология. Т. 1-2. СПб., 1910.

Кольцова В.А. Отечественная социальная психология // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997. С. 375–459.

Коргунок Ю.Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 27–38.

Корицкий Э.Б., Нинциева Г.В., Шетов В.Х. Научный менеджмент: российская история. СПб., 1999.

Кравченко А.И. Предисловие // Антология социально-экономической мысли в России. 20–30-е годы XX века. М., 2001.

Красный Гамлет. Опыт коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова // Вестник Российской Академии наук. 1994. № 8.

Курек Н.С. Социально-политические факторы и последствия запрета педологии и психотехники // Психологический журнал. 1998. № 1.

Курек Н.С. История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб., 2004.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии [1908] // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. М., 1961. С. 7–384.

Носкова О.Г. История психологии труда в России (1917–1957). М., 1997а.

Носкова О.Г. Тектология А.А. Богданова и прикладная психология // Мир психологии. 1997б. № 3. С. 195–215.

Носкова О.Г. А.А. Богданов и психологическая наука (К 125-летию со дня рождения) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1998. № 4. С. 61–70; 1999. № 1. С. 37–49.

Носкова О.Г. Московская школа индустриальной психотехники (К 115-летию И.Н. Шпильрейна и 110-летию С.Г. Геллерштейна) // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 2. С. 31–46.

Носкова О.Г. Доказательность в прикладных психологических исследованиях уникальных объектов // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 145–152.

Организационная психология и управление (Россия: 1910–1919) / отв. ред. А.А. Пископель, Л.П. Щедровицкий. М., 1999.

Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.

Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008.

Тэйлор Ф.У. Научная организация труда. М., 1925.

Уорд Л.Ф. Динамическая социология или прикладная социальная наука, основанная на статической социологии и менее сложных науках Л.Ф. Уорда. В 2-х т. Т. 1. М., 1891.

Уорд Л.Ф. Психические факторы цивилизации [СПб., 1897]. Минск, 2005.

Уорд Л.Ф. Очерки социологии. М., 1901.

Файоль А. Учение об управлении. Вступительный очерк Ю. Любовича. 1920.

Файоль А. Администрация общая и промышленная. М., 1923.

Ханин Г.М. Почему и когда погиб нэп? // ЭКО. 1989. № 10.

Хохлов Е.Б. Экономические методы управления и трудовое право. Л., 1991.

Чикин Б.Н. Из истории социальной психологии в России XIX века. М., 1978.

Шорохова Е.В. Основные итоги социально-психологических исследований в Институте психологии АН СССР // Психологический журнал. 1982. № 2. С. 34–54.

Шорохова Е.В. История отечественной социальной психологии // Социальная психология: учебное пособие / отв. ред. А.Л. Журавлев. М., 2002. С. 10–22.

Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь. М., 2000.

Taylor F.W. Shop management. NY., 1903.

Taylor F.W. The principles of scientific management. NY., 1911.